НЕ ГЕРОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДРОСТКОВОГО И МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА И ПРЕКРАСНАЯ ДАННОСТЬ МИРА

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: zelennew@tut.by

В свете теории М. М. Бахтина о связи героя и картины мира рассматривается поэтика англоязычного подросткового и молодежного романа XXI века. Выявляются трансформации в образе героя-подростка и их основания, как то социально-политический, философский и культурный контексты. Внимание обращается на отображение процессов десубъективации, децентрации, взаимоотношения Я и Другого в литературе янг эдалт, на влияние этих процессов на тип героя. Приводятся примеры из популярных англоязычных романов для подростков.

Ключевые слова: жанр; подростковый и молодежный роман; янг эдалт; герой; Другой; десубъективация; децентрация; картина мира; реализм.

NOT A HERO OF THE REALISTIC YOUNG ADULT NOVEL AND THE BEAUTIFUL BEING OF THE WORLD

N. Zelezinskaya

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelennew@tut.by

In the light of M. M. Bakhtin's theory on the connection between the hero and the picture of the world the article considers the poetics of English-speaking young adult novels of the 21st century. The transformations in the image of the teenage hero and their reasons, such as socio-political, philosophical and cultural contexts, are revealed. The article pays attention to the representation of the processes of de-subjectification, decentring, relations between 'self' and 'Other' in 'Young Adult' literature, and the influence of these processes on the type of hero. The article gives examples from popular English-language novels for teenagers.

Key words: genre; young adult literature; teenagers; hero; Other; decentring; de-subjectification; realism.

Влияние группы молодых взрослых постепенно росло с момента выделения в самостоятельную в начале XIX века, и в результате повышенной экономической значимости после Второй мировой войны, бэйби-бумов 50-х и 60-х, развитого института детства и высокого уровня перинатальной медицины конца XX века, подростки и молодые люди завоевали ключевое место в социуме. Вслед за социальным статусом произошел количественный и качественный рост литературы о молодых взрослых и для молодых взрослых. Следовательно, контекстуально обусловлена и смена героя литературы для подростков и молодежи (young adult).

Как наиболее мобильная социальная группа подростки и молодежь смогли построить модель ответа на террористические атаки, чудовищные эмоциональные и психологические нагрузки: неуверенность поколения в завтрашнем дне, слабая прогнозируемость будущего, экономическая незащищенность молодежи, неприменимость постмодернистской этики к новым реалиям и другие негативные явления начала XXI века. Отказавшись от старых трафаретов, они решили просто быть собой: *«Не считая краткого периода в подростковом возрасте, я никогда не хотела выглядеть как Трина или другие девочки. Лет до четырнадцати я предпочитала мальчишескую одежду, а теперь стараюсь себе потакать – смотря с какой ноги встала. Что толку пытаться выглядеть как все?»*

Мне двадцать шесть, а я так толком себя и не узнала. До того как потеряла работу, я вообще ни о чем не задумывалась. Собиралась выйти замуж за Патрика, нарожать детей, поселиться за пару улиц от родительского дома. Не считая экзотического выбора одежды и довольно скромного роста, меня мало что отличало от других. Вряд ли вы обернулись бы на меня. Обычная девушка, ведущая обычную жизнь. И это совершенно меня устраивало» [1, с. 6].

Обычный герой, маленький человек в XXI веке нашел спасение в своей обычности, поскольку только она способна дать успокоение, снизить стресс, спасти от неоправданных ожиданий. Так, роман «До встречи с тобой» есть, по сути, апология дауншифтинга:

«Чем ты хочешь заняться? Чем ты хочешь быть? ... Ты же хочешь кем-то быть?»

Но я не хотел» [там же, с. 7].

Дауншифтинг, стремление к «нормальности» и обычности, отказ от стереотипов и поведенческого кода старших поколений продиктован и неспособностью человека преодолеть свои психофизические пороги, и желанием остановиться в гонке за деньгами, властью и статусом, увидеть себя здесь и сейчас. В результате этих трансформаций, связанных в теории поколений с поколением миллениумов, подросток XXI века стал более свободным, поэтому, с одной стороны, готов создавать свои паттерны на основании собственных представлений, ощущений и предпочтений. С другой стороны, он может и другим позволить свободу быть собой. Отсюда герои не только обычные, но и «особенные»: с интеллектуальной, психической или физической недостаточностью, тяжелой, а то и смертельной болезнью, социальной дезадаптированностью – сегодня любой может выразить себя и любой найти себя в другом, поэтому, в том числе, аудитория подросткового и молодежного романа постоянно растет, а тиражи бьют рекорды взрослой литературы. Сегодня в подростко-

вой и молодежной литературе образ Другого выступает лишь средством познания субъекта и построения отношений с ним, т. е. проявляется в своей символической функции указания на Другого, субъект не задан, не наделяет мир смыслом и не приписывает значения вещам и событиям, а растворяется, распадается по отношению к самому себе. Актуализация другого позволяет увидеть себя как Другого и далее задуматься как над внешним, так и над внутренним модусом сосуществования Я и Другого.

Децентрация и десубъективация снимает проблему литературы двух последних веков о соотношении Я и Другого, когда гегельянство уже ощущалось как неудовлетворительное, экзистенциализм не оправдал возложенных надежд на выход из кризиса, а новый ответ был сформулирован лишь предварительно. Сегодня подростковый и молодежный роман, будучи в авангарде мировой литературы, говорит уже не столько об уникальности и разнообразии конкретных Я (это данность), но ставит вопросы о сосуществовании уникальных и несовпадающих Я, об их взаимном соотношении, об их разнообразных связях с внешним миром и о возможности осознания способов взаимодействия. Таким образом, литература янг эдалт на практике воплощает тезис М. М. Бахтина о том, что «сюжет моей личной жизни создают другие люди» [2, с. 98]. «О другом сложены все сюжеты, написаны все произведения, пролиты все слезы, ему поставлены все памятники, только другими наполнены все кладбища, только его знает, помнит и воссоздает продуктивная память, чтобы и моя память предмета, мира и жизни стала художественной. Только в мире других возможно эстетическое, сюжетное, самоценное движение – движение в прошлом, которое ценно помимо будущего, в котором прощены все обязательства и долги и все надежды оставлены. Художественный интерес – внесмысловый интерес к принципиально завершенной жизни. Нужно отойти от себя, чтобы освободить героя для свободного сюжетного движения в мире» [там же, с. 98–99].

Роман «Милые кости» является ярким примером такой актуализации другого, децентрации и десубъективации. Он повествует о девочке Сюзи, которая после убийства от руки маньяка попадает на небеса и наблюдает за жизнью родных без нее и за поисками убийцы. Это редкий (но не исключительный) случай, когда протагонистом романа весь роман является умерший. При этой автор не часто прибегает к ретроспективе, а образ героини развивается в соответствии с концепцией романа становления. Незримо переживая происходящее с ее семьей вместе с ними, Сюзи приходит к пониманию того, как она любит каждого такими, какие они есть: *«<Бабушка> вернулась на кухню. После смерти я прикипела к ней сильнее, чем могла себе представить в земной жизни. Не поручусь, что в*

тот момент она решила завязать с выпивкой; но теперь до меня дошло, что привычка заглядывать в рюмку составляла одну из черточек ее удивительного характера. По мне, если эта слабость была самым большим ее грехом, то и на здоровье». Далее, через принятие другого (бабушка – лишь частный случай, по сути мотив принятия мультиплицируется) Сюзи приходит к принятию себя, точнее, своего статуса: «Глядя, как мои родные смакуют шампанское, я размышляла о том, что их жизнь ведет отсчет от моей смерти: до и после, но когда Сэмюел, собравшись с духом, на виду у всех поцеловал Линдси, мне стало ясно, что их судьба круто взмывает вверх и теперь пойдет иными дорогами. На месте пустоты, возникшей с моей гибелью, постепенно выросли и соединились милые косточки: одни хрупкие, другие – оплаченные немалыми жертвами, но большей частью дорогие сердцу. И я увидела вещи в ином свете: мне открылся мир, где нет меня. Обстоятельства, причиной которых стала моя смерть, – те самые косточки – обещали когда-нибудь обрести плоть, стать единым телом. Ценой этому волшебному телу была моя жизнь» [3]. К подростку приходит понимание того, что не все можно изменить, что самые ужасные вещи приходится принимать такими, как они есть. Но можно научиться справляться с ситуацией, помогать другим пережить трудности, можно все равно любить, дружить, радоваться... быть! Практически любой реалистический подростковый и молодежный роман, фокусирующийся на проблемах XXI века, заканчивается все же утверждением жизни. Последние страницы романа о Сюзи наполнены любовью, любованием, принятием и смирением: «Когда я открыла глаза, окошко в дальней стене было залито темным багрянцем, и мне сразу стало ясно, что времени осталось совсем мало. За окном жил и дышал тот мир, который годами открывался мне только со стороны, а сейчас я находилась на той же Земле. Но уже знала, что больше сюда не приду. Отпущенный мне срок я потратила на любовь – против нее я оказалась бессильна, как не была бессильна даже перед лицом смерти; это было бессилье всего сущего, темный багрянец человеческой слабости, движение вслепую, когда на ощупь огибаешь углы, чтобы раскрыть объятия свету, – все, без чего не бывает открытия неизведанного» [там же].

Отказ от идеалов, паттернов и стереотипов как социально-философских, так и эстетических ведет не только к принятию другого, но и к принятию себя, и, в итоге, к принятию мира. В «Авторе и герое» М. М. Бахтин обосновал связь между образом героя и образом мира: «Нужно почувствовать себя дома в мире других людей, чтобы перейти от исповеди к объективному эстетическому созерцанию, от вопросов о смысле и от смысловых исканий к прекрасной данности мира» [2, с. 100].

Наше присутствие в этом мире обусловлено отношением Я к Другому. Там, где наш взгляд обращен вовне, на нас может «снизойти «завершающее приятие» [там же, с. 96]. Именно этот аксиологический путь выбирает реалистический подростковый и молодежный роман в XXI веке. Развязка любого из них созвучна этим размышлениям: *«Колин не знал о покере ничего, кроме того, что игра, в которой все зависит от вероятности и решений игроков, – это что-то вроде полузакрытой системы, в которой должна действовать теорема, похожая на его Теорему Предсказуемости Катерин. И когда Гассан продемонстрировал свой фуллхаус, Колина внезапно осенило: можно создать теорему, объясняющую, почему ты выиграл в покер в прошлом, но ни одна теорема не предскажет, выиграешь ли ты в будущем. Прошлое, как и говорила ему Линдси, это логичная история. Это ощущение того, что произошло. А будущее вовсе не обязано быть логичным, ведь его еще никто не помнит. И в этот момент будущее, неопишемое ни одной теоремой на свете, протянулось перед Колином: бесконечное, непознаваемое и прекрасное»* [4, с. 255].

Библиографические ссылки

1. Мойес Дж. До встречи с тобой [Электронный ресурс] / пер. А. Киланова. М. : Азбука-Аттикус, 2013. Режим доступа: <https://www.litres.ru/dzhodzho-moyes/dovstrechi-s-toboy/chitat-onlayn/> (дата обращения: 12.08.2020).
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 9–226.
3. Сиболд С. Милые кости [Электронный ресурс] / пер. Е. Петровой. М. : Эксмо, 2010. Режим доступа: <https://www.litres.ru/elis-sibold/milye-kosti/chitat-onlayn/> (дата обращения: 12.08.2020).
4. Грин Дж. Многочисленные Катерины / пер. В. А. Зайцева. М. : Рипол Классик, 2015. 256 с.